

Владимир Бутромеев

КРИК НА ХУТОРЕ

Пьеса в двух действиях

Перевод с белорусского автора

Действующие лица

Авдей — хозяин хутора, отец семейства, 50 лет.

Семья Авдея:

Варвара — его жена 45 лет.

Андрей — их старший сын, 25 лет.

Дети от 5 до 20 лет, всего 10 человек.

Старик — родители.

Эленька — скупщик скота, 50 лет.

Странник, 70 лет.

Сват Авдея, 50 лет.

Сосед Авдея, 45 лет.

Зуёк — отец семейства, 50 лет.

Семья Зуйка:

Зуйчиха — его жена, 50 лет.

Верка — их старшая дочь, 18 лет.

Другие дети — одни девочки от 5 до 16 лет.

Мать Зуйка, старуха.

Танька — подруга Верки, 18 лет.

Первый мужик.

Второй мужик.

Мужик с мешком.

Парни и девочки на вечеринке.

Уполномоченный.

Красноармейцы.

Действие первое

Картина первая

На сцене видны останки жилого подворья. По высоте бурьяна можно определить место, где когда-то стояла изба, угадываются очертания двора, заметна яма от погребка. Позади опушка леса. Слева несколько старых яблонь и слив, черных, корявых, голых, давно уже одичавших и не плодоносящих. В стороне высокая стройная груша, она стояла под окном дома и каждую весну озаряла цветением подворье, словно

огромная белая свеча, теперь ее острые сучья торчат в небо черным скелетом. Когда-то здесь жили люди. Это был хутор. Свет медленно гаснет. Слышен свист ветра, карканье ворон. Издалека доносятся слова колыбельной:

Народился ты, дитятко,

В мужицкой хате.

Тебе век косить да сеять,

Земельку орати, потом поливати...

Крепнет вой ветра. Слышится гул мотора. Через бывшую усадьбу наискосок пролегал след гусеничного трактора. Рокот трактора все сильнее, полоса от его гусениц все четче пересекает подворье. Звук слабеет, перекрывается свистом ветра и карканьем ворон. Свет почти совсем гаснет. Постепенно на сцене возникают простой длинный стол, лавки, видны иконы в углу, выбеленная известкой русская печь. Под звуки колыбельной к столу собирается семья Авдея, больше десяти человек — ребята, девки, жена, старики родители, сам хозяин.

Г о л о с. Господи, услышь молитвы рабов недостойных, яко есть человеци, в поте лица добывающие хлеб свой... Восстав, благодарю тебя, святой Боже, яко ради твоего долготерпения не прогневался на меня, ленивого и грешного, не произвел погибель, но человеколюбствовал и допустил меня восстать ото сна... И дал мне мимошедшее время ночи сей без напасти от всякого зла прейти... Господи, просим щедрот твоих от века идущих, за труды наши воздай и пошли день безгрешный и усердие и смирение всякому рабу своему, в прилежных трудах крестьянствующему на земле... И сохрани исполняющих закон твой и завет твой...

Авдей сидит во главе стола. Стен у избы нет, стол, печь, иконы — будто центр жизни, ее материальное воплощение, а вокруг пусто, никого и ничего. Только что закончили завтракать. Авдей положил ложку, выпил молоко из кувшина, поставил на стол кувшин, и как по команде жена и дочка начали убирать посуду. Авдей — грузный, хмурый, уверенный в себе и самодовольный — исподлобья осмотрел все и оперся локтями о стол.

А в д е й. Андрей, запряжи коней — снопы связй, што остались за овражком. Дети, колоски собирать на поле. *(Поворачивается к отцу.)* Сходи на гумно, Мишку возьми с собой. Пригляди, кабы все готово было. Привезут снопы — сложишь. *(Посопев носом.)* Манька с Нинкой докапывать бульбу, к вечеру каб с поля. Ты, Варвара, с девками перебирать, третий день копошишься.

В а р в а р а *(относя посуду).* Сённи кончим. Погода стоит.

А в д е й. Бог не для того погоду дал, кабы спать на ней над бульбой да языком мянтить. Работы хватит. *(Поворачивается к отцу.)* А на гумно в полудни я сам приду. Семья расходится.

А н д р е й!

Андрей останавливается.

Отвезешь снопы, приедешь сюда. На той неделе поедем на базар. Продадим пудов семьдесят бульбы, мелкой. Прикинем гроши. Пора уже научиться гроши считать.

Оба долго молчат.

Ну што стоишь? Иди работай.

Андрей не трогается с места.

(Долго молчит и, посопев носом, продолжает.) Ну дык вот... Кали сённи управимся... Завтра съездим к Катке, поглядим, як там за шляхтой год прожила, может побогатели, што носа не показывают... А потом ужо и поговорим, перед субботой...

А н д р е й поворачивается и уходит.

(Достает счета.) Ежели семьдесят пудов по восемь копеек... Осенью... Хлеб по осени по тридцать... *(Помечает цифры в бумажке, надевает очки.)* С долгами рассчитаться... Коня на осень... На весну... Налоги кабы вперед... Овса зимой...

Входит странник в лаптях, с котомкой и посохом.

Странник. Храни вас Господь! *(Кланяется.)* Пустите странничка обогреться с дороги.

А в д е й *(не поднимая глаз от счетов).* Многа вас тут с дороги... И каждый к чужому теплу липнет. Бог не для того дорогу эту придумал, каб по ней без работы шляться.

Странник *(улыбаясь).* Не гневи Бога, Авдеюшка. Грех божьему человеку отказать.

А в д е й *(оставляет счета).* Откудова ты? **Странник.** Ай не признаешь? Авдеюшка!

А в д е й *(снимает очки).* Никола? *(Усмехается.)*

Странник. Я, он самый. Соседа не признал. Все считаешь, все некогда, помоги тебе Бог в делах.

Авдей. За Богом не проживешь. Сам не заработаешь, то и считать нема чаго.

Странник. А як нема чаго считать, то и прожить легче, соседушка.

Авдей (опять усмехается). Вот ты легче и живи. А я хозяин. (После паузы.) Ты с котомкой пошел с земли, детей што в примы, што в бесприданницы расторкал. А я хутор нажил.

Странник. Каждому, Авдеюшка, своя дорога. Мое хозяйство не хуже твоего было, ты знаешь. А як умерла жена, стал я слышать голос: «Иди с котомкой, только той, хто с котомкой, и спасется...» Я и пошел... Десять годков от деревеньки до деревеньки, а переночевать негде, от церковочки к церковочке... А в них двери забиты... Вчера иду себе думаю: «Вот и мой края близко, дай загляну», а дорога лесом, и на ночь негде, иду, волки по лесу бегают. Вспомнил я, што это Сдвиженье сённи, страшно мне стало. Ветер поднялся, лес стонет, змеи, кажется, клубками все деревья опутали, я уже на самую серединку дороги — як по ниточке иду, не оглядываюсь, а ветер холодный, до костей пронимает, утречком чуть шевелюсь, замерз — пустил бы ты Христа ради погреться...

Авдей. Погрейся... Печь с утра натоплена... Десять годков... Я за десять годков хозяйство поднял. Трех коней купил, с долгами рассчитался.

Странник (залезает на печь). Вот спасибо, Авдеюшка, благослови тебя Бог.

Авдей. Десять годков! Ты за это время воды столько не попил, сколько я поту пролил!

Странник. Ох, тепленька, ох, косточки промерзли. Ох, мае косточки...

Авдей. И вот ты за десять годов — котомку да лапти нажил, якоу толк с тебя?

Странник. Вот спасибочка, Авдеюшка, уважил божьего странника.

Авдей. Не для того Бог и человека на землю пустил, каб побираться!

Странник. Каб еще накрыться чем, Авдеюшка, век Бога б за тебя молил...

Авдей. Глухой ты или прикидываешься? Ён бы молился за меня. (Берет с лавки

тулупчик, бросает на печь.) За себя помолись. Мне с твоей молитвы не жить.

Странник (укрывается). От, совсем хорошо. Господи, што людям надо: тепло да крайчик хлеба. И каб не гнали. Спасибо тебе, Господи.

Авдей. А-а... (Машет рукой и снова берет за счеты.) Пудов... По полтора рубля... Не меньше... Зиму... И хлеб по весне...

Странник. Посчитай, Авдеюшка, посчитай, а я вздремну, мои счета наперед посчитаны...

Пауза.

Авдей (продолжает). По три копейки... За шерсть... На коней...

Сбоку на авансцену выходят двое. Один чем-то напоминает Авдея — плотный, толстый, насупленный, в хороших сапогах, на голове картуз. Другой в штанах с заплатами, в разбитых ботинках, в замусолненной, помятой кепчонке, жалкий, заискивающий, суетливый, и в то же время видно, что хитрый, нахальный и смелый.

Первый мужик (недовольно). Затаял ты все это, хто поверит, выгонит с хаты.
Второй мужик (заговорщически). Ён ничего не знает.

Первый мужик. Ну як не знает. Все знают, а он не знает?

Второй мужик. Откуда ему знать: из своей берлоги не вылазит, на базар приедет — с человеком не заговорит. Такая медвежья натура. А гроши у яго должны быть. Кулак добры.

Первый мужик. Так оно... Нехорошо...

Второй мужик. Ты в церковь пришел? Я тебе сказал — сделаю. Голь на выдумки хитра — продадим. А остальное твое не дело. Мне кума — она жонка председателя сельсовета — говорила. (Оглядывается и шепчет ему на ухо.)

Первый мужик (отшатывается). Да ну ты! Ты иди один. Иди один, я тут подожду.

Второй мужик (панибратски берет его под локоть). Пойдем, заподозрит, его и так уговорить — эта ж такая натура. А за полцены мы его уломаем.

Первый мужик (исподлобья смотрит на второго; недоверчиво и зло). За полцены свое отдавать... Думаешь, она мне легко далась? Пять лет наживал.

Второй мужик. Ты ж сам просил — за полцены продай. Заберут в этот колхоз — ни копейки не получишь. А начнешь торговаться, это делов на неделю, того смотри и у вас начнется, лучше поспешить.

Первый мужик машет рукой. Оба подходят к столу. Первый мужик держится чуть сзади. Авдей поднимает на них глаза.

Доброго здоровьечка, Авдей Устинович! *(Угожливо снимает кепчонку, кланяется заискивающе, улыбается.)*

Первый, набычившись, стоит сбоку, не снимая картуза.

Авдей *(после паузы).* Што надо?

Второй мужик. По делу пришли, Авдей Устинович, по делу.

Авдей *(насмешливо и с недоверием).* У тебя дело?

Второй мужик. Ага, Авдей Устинович, я сразу сказал — это к Авдею, только он. Родственник мой, по жонке *(показывает на Первого мужика),* молотилку паровую продает. А хто купит? Все голота вроде меня, хи-хи-хи... Я и сказал: только Авдей Устинович, потому что хозяин справный и гроши небось на стоящую вещь имеет. Вышел бы, поглядел, Авдей Устинович...

Авдей. Вы што, прямо сюды ее привезли?

Второй мужик. Ага! Я сказал: только Авдей Устинович, потому што хозяин. *(Поворачивается к Первому мужику, подняв вверх палец.)* Толковейшего хозяина у нас тут и нету, как Авдей Устинович.

Авдей. Вот потому што я хозяин, молотилку я у тебя куплять не стану.

Второй мужик *(обиженно разводит руками).* А-а, ты хоть погляди, Авдей Устинович...

Авдей *(опять усмехается).* Поглядеть? А што ты кому продал, каб ни ммануть?

Второй мужик *(смущенно).* А-а, э-э, грешен, Авдей Устинович, всяк приходилось... А это дело чистое, яй-бо!

Авдей. Напрасно ты перся ко мне со своей молотилкой. Хозяину с пройдохой делов нема. Да я и без тебя знаю, во всей округе хорошей молотилки не слышно.

Второй мужик. Издалека человек, з-за Мстиславля. А молотилка...

Авдей *(перебивает).* Понятно, што за молотилка, коли повез далее от своих мест, в нашу глушь. Думаешь, тут дураки? Не знают? *(Выходит из-за стола.)*

Второй мужик *(торопливо влезает между ними).* Случай такой вышел — нельзя у себя продавать. Выезжает человек, вся округа против него по злобе. Как же им продавать, молотилка — золото. Чисто золото, яй-бо! *(Крестится.)* Вот те крест. И ён по злобе — не продам им, лучше в речку кину, а не продам! Привез ко мне — за полцаны продай — я и думаю, хто як ни Авдей Устинович, все ж голота. Раз ужо таки случай — за полцаны!

Авдей *(поворачивается ко Второму мужику).* Што ты брешешь, што ты вьешься, як вуж на сковородке! Я батьку твоего помню — крутель ён и пройдоха, и ты выползак, вушлянок!

Второй мужик. Хе-хе-хе, Авдей Устинович, яно конешно, ты правду говоришь, а только молотилка хорошая! И человека я привел стоящего, хозяина, это не я, што я, об меня и ноги можно вытереть, а, хе-хе-хе, молотилка хорошая, справная. **Авдей.** Ты хочешь Авдея обкрутить?! Я до империалистической держал молотилку с Сячком на двоих, я ее на железки собрать-разобрать могу. Мне ломачча и за полцены не всунешь! Не на того напал!

Второй мужик. А ты проверь, проверь, Авдей Устинович. Молотилка — што часы. Абы ты хозяин, да абы у тебя гроши. Проверь — не так што в молотилке — голову мне на колодку и топором!

Авдей. Твоей голове цена — полкопейки. Поглядеть можно. За погляд гроши не платить.

Второй мужик. Полкопейки!.. Хе-хе-хе, Авдей Устинович! А ты только погляди — абы ты хозяин и абы у тебя гроши!

Все идут со сцены.
(То и дело забегают вперед Авдея.) В хороших руках была. Головой ручаюсь. Яй-бо! За гумном поставили. Як увидишь — пятерочку прибавишь, Авдей Устинович! Яй-бо! Золотая, золотая молотилочка. Ай да Авдей Устинович!

Выходят. С другой стороны входит скупщик скота Эленька.

Эленька. Здравствуйте! Добрый день в хату! Где хозяйева! Авдей!

На печи странник вылезает из-под полушубка.

Странник. Здравствуй, здравствуй!

Эленька. О! Это ты уже здесь! Ну-ка, расскажи, как евреи продали Иисуса Христа! Ты всё рассказываешь басни. А теперь новые времена! Иисус Христос теперь не в почете! А если б евреи не продали его, чтоб ты рассказывал мужикам и бабам, ты не имел бы куска хлеба и сто грамм выпить! Ты должен сказать евреям спасибо! Ты любишь выпить, я знаю!

Странник. Як нальют, то выпью. (*Садится на печи.*) А знаешь, Иуда тоже любил выпить.

Эленька. Разве так сказано в Евангелии?

Странник. А вот послушай. Пилат дал евреям четыре золотых гвоздя, каб распяли Иисуса. А Иуде за это — тридцать серебряных монет. Ну вот распяли Христа, гроши пропили, наутро хотят похмелиться — а нема за што. Тогда Иуда и приказал у Христа с ног гвозди вынуть, ногу на ногу и прибили одним, а золотой гвоздь, што остался, заложили, да и похмелились.

Эленька. Э-э, ты большой видумщик! Я б налил тебе сто грамм! Ты знаешь, сын Мойши записывает такие басни. И пословицы. Он уже учится в университете. О! У него разумная голова. Ты зайди к нему. Он поставит тебе выпить! Но лучше держи язык за зубами, теперь такие времена.

Входят Авдей — он вытирает тряпкой руки — и оба мужика.

Второй мужик (опять заискивающе забегаёт вперед Авдея). Видно хозяина: поглядел — и все понял. Я говорил: только Авдей Устинович.

Авдей (останавливается). Молотилка так себе, ничога, полцены стоит, полцены я б дал.

Первый мужик (не сдержавшись). Она-то стоит не полцены!

Авдей. Говорили про полцены. Другого разговора не было.

Второй мужик (поворачивается к первому). Капитонович! (*Незаметно от Авдея делает жест рукой: соглашайся.*)

Первый мужик машет рукой: «согласен» и отворачивается.

(*Поворачивается к Авдею.*) Як договаривались, Авдей Устинович.

Все подходят к столу, за которым сидит Эленька. Странник снова укрывается полушубком.

Эленька. Авдей, здравствуй! Как живешь? Давно тебя не видел! Што ты имеешь с этим пройдохой?

Второй мужик. У тебя, Эленька, свои дела, у нас свои.

Авдей достает из-за иконы деньги, отсчитывает и отдает Второму мужику. Оба мужика, не прощаясь, торопливо уходят. На авансцене Первый мужик останавливается, требовательно протягивает руку. Второму мужику отдает ему деньги. Первый пересчитывает.

Второй мужик. Я ж говорил, ён ничего не знает. Со мной не пропадешь: Семка пройдоха, а дело знает! И чиста: твоя молотилка хорошая? Хорошая. А остальное не наше дело.

Первый мужик (сердито). Не сбивай. (*Снова пересчитывает деньги, аккуратно кладет их за пазуху.*)

Второй мужик. Капитонович, а мне?

Первый мужик, переминувшись с ноги на ногу и посмотрев исподлобья, достает деньги и дает сначала рубль, потом, подумав, еще один, и прячет остальные.

Ты ж обещал пять рублей!

Первый мужик. Хватит с тебя и двух. (*Уходит.*)

Второй мужик (возмущенно хлопает себя руками по бедрам, бежит следом). Капитонович, может еще што надо?

На сцене остаются Эленька и Авдей, они сидят за столом, на столе счеты. Странник лежит на печи, укрывшись полушубком.

Эленька. Ты купил молотилку?

Авдей. Хорошая молотилка.

Эленька. Не связывайся с Семкой! Ты знаешь, што это за человек!

Авдей. С молотилкой меня не мманишь, я яе што свои пять пальцев знаю.

Эленька. Ты все купляишь! Коня купил,

молотилку купил! Разве ты не видишь, какое время! Все продают, а ты покупаешь! Авдей. Голытьба глядит продать да промотать, а хозяин — купить.

Эленька. Авдей, Авдей! Ты разумный человек, ты должен понимать!

Авдей. Ты-то чаго приехал?

Эленька. Ты понимаешь, мне нужны деньги. Я сказал — можешь не спешить, но наперед никто ничего не знает. Приехал мой компаньон, он требует деньги, мы вместе продавали скот, я должен с ним рассчитаться.

Пауза

Авдей. Я думал отдать тебе по весне.

Эленька. Но теперь такое время, теперь такой случай. У тебя нет денег? Што ты за хозяин?

Пауза

Авдей. У меня есть гроши, я могу тебе отдать.

Эленька (*обрадованно*). Ми с тобой все посчитаем. (*Берет со стола счета, отсчитывает.*) Ты брал на коня. Ты заменил корову, ми договаривались, это пять рублей. Я брал у тебя два бичка и телку, а ты летом брал сорок рублей. А я брал десять пудов жита. Ты должен мне остаток — тридцать рублей. Мне нужны деньги теперь. Если весной ты скажешь: Эленька, дай мне денег, я найду тебе деньги! Я никогда не брал с тебя процент!

Авдей. Не брал? Брал!

Эленька. Когда это было! Ты не знал меня, я не знал тебя, а теперь ми друзья, ми с тобой всегда ладим. Два дурака бьются, а два разумных договариваются.

Авдей подходит к иконе и достает деньги, у стола пересчитывает и отдает Эленьке.

(*Забирает деньги, поднимается из-за стола.*) До свидания, Авдей! Послушай старого еврея! Ты должен все понимать, ты разумный хозяин! Надо держать ухо востро!

Авдей. Не дури, Эленька, голову.

Эленька. Ох, Авдей, Авдей.. Бивай здоров! (*Уходит.*)

Входит Андрей, садится рядом с отцом.

Авдей (*Андрею*). Черт, приспичило! С года в год эти деньги переходят, а тут как

больше всего надо — отдай! Все гроши с рук... (*Пауза.*) А молотилка стоящая — и за полцены. Што там Семка плел, городил — не наше дело, молотилка хорошая, не краденая, это случай нам пришелся. А своя молотилка — большое дело! От кабы свою мельницу — тогда никто тебе не указ, никого просить не надо, никому кланяться. Мельник с помола живет, земли не пашет... Как-то спрашивал Степана-мельника, чего землю оставил — не разорваться, говорит. А я б перервался! Я б земли не кинул! Тогда и будет, когда перервешься, когда пересилишься, когда упрешься со всей силы! Я этот хутор с одного коня начинал да с долгов — а выкарабкался! Люди гуляли, пили, продавали, мотали, с меня смеялись, «кулак» говорили, «под себя гребешь, пуп нарвешь, лопнешь!» А у меня свой розум! Прогулять легко, нажать тяжко! Хто гнездо вьет, у таго и вьется, хто робить, у того и есть! Так на этом свете устроено!

Странник (*с печи*). Ох, Авдеюшка, никто не знает, што вьет, как этот свет устроен. Помнишь Кривого Якима, што детям за золото землю купил? А земля стала ничейная через полгода. Наперед дня не знаешь, все мы в гостях, а гнездо наше на погорку. Туда с собой ничего не возьмешь.

Авдей (*Андрею*). Каб все про тот погорок думали — забор спинами б подпирали, пальцем не шевельнули, с кийка да торбы жили.

Странник. А поглядишь, Авдеюшка, со стороны — ну што человеку надо — крайчик хлеба, да каб погреться, да каб не гнали. Господи, як подумаешь, ну што человеку надо?

Авдей (*Андрею*). Каждая ворона за свое каркает. Человеку много надо! (*Разводит руки, будто хочет обнять стол.*) А мне б еще мельницу! А молотилка, ох, хороша — вот так случай! И мне б с моим подворьем да молотилкой, да моими сынами — мне б мельницу — вот это был бы я хозяин, а, Никола? Ха, ха, ха!!!

Картина вторая

Вечеринка в хате Зуйка. Стол отодвинут в угол, печь и икона отгорожены ситцевой занавеской. Полно парней и девок, гармонист играет, рядом с ним парень бьет в бубен. Только что закончилась полька, парни собираются танцевать кадрили. Верка и ее подружка Танька сидят чуть в сторонке, у окна.

Танька (утешительно). Может, придет еще.

Верка (обиженно). Ага. Расходиться пора.

К ним подходит Парень.

Парень (Верке). Пойдем на кадрили. **Верка**. Не хочу.

Парень. Ох, ох... Андрея дождемся?

Верка. Кого хочу, того и дожидаюсь.

Парень. Ишь, какие мы. Твой Андрей, может, поближе нашел, десять верст за такой принцессой ходить.

Танька (задиристо). А ты чаго цепляешься? Андрей придет — носа не покажешь, а теперь храбрый?

Парень. Ха, боялись мы твоего Андрея. Первый раз приходили толкачевцы, всыпали им, век помнить будут. Можем и Андрею, не поглядим што с хуторов.

Танька. Ах, ах, какой смелый!

Парень. Подумаешь! (Демонстративно отходит и приглашает другую девушку.)

Начинается общий танец. По ходу танца Парень и Девушка, с которой он танцует, оказавшись рядом с Веркой, смеются и поют частушки.

Девушка.

Приходите хлопцы в сваты,
я живу богато.

Конь хромой у мойго батьки,
завалилась хата.

Парень (насмешливо).

Я миленка долго ждала,
не могла дожждаться,

Як возьмет меня он замуж,
буду поправляться.

Верка отворачивается, делает безразличный вид.

Танька (делает Парню характерный жест). Дурак.

Танец продолжается. Входит отец Верки, хозяин дома Зуёк.

Зуёк. Все, все, хватит. Пора по хатам. Девчата (в один голос). Дядечка Петрок, рано еще!

Зуёк. Всё. Ни-ни. Вы б и ночь скакали, як козы.

Девчата. От немножка...

Зуёк. Погуляли — хватит. Спать давно пора, завтра работать зрана. Хорошие люди ужо молотить начали.

Второй парень. Богатым будешь, дядька, як молотить до Покровов собираешься.

Зуёк. От так бы ты в поле, как языком.

Девчата. Дядечка Петрок...

Зуёк. Ни-ни!

Третий парень. Дядьку Зуйку кавалеры больше не нужны, он на хуторянских надеется!

Четвертый парень. На хуторах и хлопцев столько нема, сколько у дядьки в хате девок!

Все смеются.

Зуёк. Вот я встречу батьку, ён табе помяется вожжами.

Девчата. Дядечка Петрок...

Зуёк. Все, а не то не пуцу другой раз. Разыгрались.

Все расходятся.

Гармонист (поет).

Танцевать вам сеньни хватит,
поясница заболить.

Приходите лучше завтра,
подсобитя молотить.

Один из парней (продолжает).

Как у дядьки Зуйка

полна девок хата,

вот отдам усих их замуж,

заживу богато.

Зуёк. От, чэмера табе в бок, зубоскал, глыбод.

Гости уходят. Остаются пять дочерей Зуйка и Танька.

(Дочкам.) Марш спать. Верка, приберешь тут. От каб до работы так, как до танцев. (Уходит следом за дочками за занавеску.)

Верка и Танька подметают пол.

Танька. А может, случай дома, мало што может быть. А может, просто — ну не на каждую ж вечеринку за десять километров.

Верка. Дак и прошлый раз.

Танька. Дак передал, што не придет.

Верка. А этот раз наоборот говорил — жди, приду расскажу.

Танька (*быстро*). Што расскажу?

Верка (*спохватившись*). Што... Ну... Как там убрались...

Танька. Да ужo ж убрались. Может, и молотить начали. От пойдешь за Андрея — наработаешься! У Авдея — от темна до темна.

Верка. Не за Авдея ж пойду.

Танька. Так он и отделит вас.

Верка. Што про это говорить. Да за Андреем ничога не страшно.

Танька. А Мишка так и подкатывается к тебе.

Верка. Дурак, я Андрея ни на кого не променяю.

Заканчивают подметать и садятся на лавку у окна.

Не знаю, што со мной делается. Хожу будто во сне. Вчера батька трясет за плечо, кричит в ухо, а я ничога не чую... А третьего дня как увидела его — так, кажется, и полетела б, только руками чуть-чуть махни — и полетишь!

Танька. Ой, Верка, как я тебе завидую! А тут нема а никогочки. Прошлый раз Колька Сыпунков пошел провожать — и сразу лезет, я як размахнулась... Чуть отбилась. И прямо под сподницу лезет. Во дурак, а? Ему-то што... А Мишка про тебя всем говорит, мол, хуторянский, дак она за им следом...

Верка. Дурак он. Вон Ягора сын — Степка. Хуторянский, и богатей за Авдея, а кому он надо, недопеченый. Года два назад провожал меня, сидит как размазня, бормочет нешта про овес, про нейкую хромую собаку.

Танька. Ага. Ён придурковатый, ей-богу. А Валька сеньни усмежалась — и частушку эту с Мишкой — это они про тебя. От она около Андрея раньше все ходила: как ни повернется, всё рядом, я заметила. Батька ее говорил — моя не засидится, за моей есть што дать.

Верка. А и не кинулись брать. Она ж косая. Вот ты пригледься. На левое вока.

Танька. Ай, и правда! Яй-богу! А я думаю, што это она все в бок глядит! Во тебе!

Верка. Да Андрей на нее и не глянит. Он сам говорил, што любит меня.

Танька. Так и говорил? А ты?

Верка. Я? Я не могу без него — случится што, яй-богу, не знаю, што будет. Я ни за кого другого не пошла б. Помнишь Нинку, што повесилась третьего года из-за Федьки Кострова? Ой, как я ее теперь понимаю! Ой, понимаю.

Танька (*испуганно*). Што ты! Господи! Кинь думать про дурное.

Верка (*серьезно*). Нет, если што — мне не жить...

Танька. Перестань, Господи, страху нагнала. Ну тебя. Пойду. И так батька завтра спросит, где была. (*Уходит.*)

Верка гасит лампу, зажигает свечу, раздевается, стелет себе на одной из лавок постель, становится на колени, и молится. Окно раскрывается, в него влезает Андрей.

Верка (*оглядывается*). Ой! (*Бросается к лавке, накрывает колени полушубком.*)

Андрей подсаживается рядом и, обняв, начинает целовать.

(*Слабо сопротивляясь, все-таки вырывается*). Ну, будет. Навалился. Женись сначала, а потом...

Андрей. И женюсь.

Верка. Вот женишься, тогда и тискай. Андрей. Женюсь. (*Хочет снова ее обнять.*)

Верка (*сопротивляясь*). Тебе мало было в прошлый раз? Всю смял, вся в синяках, в баню не пошла. Медведь. Ты за этим и пришел?

Андрей (*смеясь*). Ага.

Верка (*обиженно*). Я сижу, волнуясь, а он... Чего только не передумала. (*Всхлипывает.*) Всю вечеринку сердце чуть бьется — переживаю, а он...

Андрей. Не мог...

Верка (*перебивает*). Не любишь, дык нечего и ходить. Каб потискаться, девок на деревне хватает...

Андрей (*оправдываясь*). Ну яй-богу, не мог. Молотилку купили, с батьком пока попробовали, раз, другой... Ну, Вера... (*Гладит ее по плечу, она сердито отодвигается.*) Послезавтра в сваты приедем.

Верка (*испуганно*). Ай!

Андрей. Вот те и «ай». Батька сам сказал.

Верка (*прильнув к его плечу*). Андреечка, правда?

Андрей. Хх...

Верка (*просительно*). Расскажи.

Андрей (*довольно усмехаясь*). Говорю батьке — жениться хочу.

Верка. Когда?

Андрей. Ну еще как убирались. Я ж знаю. Он каб што — месяц думает. Вот и говорю заране.

Верка. Ага. А ён?

Андрей. Убяришь сначала, говорит, а потом про женитьбу думай. И сразу спросил — кого, мол, выглядел. Я и говорю — Зуйкову.

Верка (*прихорошилась, поправила волосы*). А он?

Андрей. А он говорит, у Зуйка всех девок все равно не переберешь.

Верка (*обиженно*). Андреечка...

Андрей. Дак я ж знаю: раз спросил, кого, значит, разрешит. Кабы не, то и не спрашивал бы.

Верка (*с надеждой кивнула*). Ага, ага.

Андрей. А вчера иду, а за хатой батька с маткой разговаривают. Я прислухался. Надо женить, говорит батька, теперь не то время, отделять, хату с весны построим, коня дам. На свое ноги — теперь и земли больше дадут, отдельное хозяйство. А матка согласна.

Верка (*радостно*). Ой, Андреечка! (*Обнимает и целует его.*)

Андрей (*мечтательно*). Своим хозяйством — сам себе голова! Одно: не ленись, наживай. Батька говорит, за Зуйковыми приданого не густо будет, да были б руки.

Верка (*оправдываясь*). Приданое батька обещал, и Вальке старшей давали, и деньгами, и все собрали как положено. И мне мамка все сготовила, и деньги у батьки есть.

Андрей. Кабы грошай, прикупили б другого коня — вот тебе и хозяин!

Верка (*торопливо и с гордостью*). За мной будут.

Андрей. Мы б зажили! Эх! Зажили б! И молотилка теперь своя. Батька сказал: завтра до обеда поедем к Катьке — поглядеть, как живут. За шляхту выдали, батька коня давал, и грошай сколько, и помогали, а шляхта, сама знаешь, — похвалиться, а как до хозяйства... У толковые руки — дак и не жалко. А как не, то батька не поглядит, скажет. А после обеда — сам сказал: в сваты. Ты своим не рассказывала?

Верка. Нет. Да батька знает, догадывается, и люди ж говорят. Доволен, што сам Авдей в сваты собирается.

Андрей (*достаёт из-за пазухи платок*). А это — тебе.

Верка (*разворачивает платок*). Он же дорогой... У Шмуйлы такая по пять рублей. (*Накидывает платок на плечи, осматривается.*)

Андрей. Эх, Верка! Мы заживем! Как никто. Кто гняздо вьет, у того и вьется, кто робить, у того и есть.

Верка снова прильнула к плечу Андрея, Андрей обнимает ее, начинает целовать.

Верка (*освобождаясь*). Андреечка, не надо... Проснется хто с наших. Ой, не надо... Другой раз, не надо сённи...

Из-за занавески выходит дряхлая старуха, роняет железную кружку. Андрей и Вера пугаются. Он пытается спрятаться за лавку.

Верка (*успокаивает его*). Это бабка, она глухая и немая, за печкой сидит, воды, наверное, захотела. (*Уводит старуху за занавеску.*)

Андрей выпрыгивает в окно.

(*Возвращается.*) Андрей? Где ты? (*Выглядывает в окно.*) Андрей!

Картина третья

Семья Авдея собирается к обеду. Как и раньше, сцена вокруг пуста. Сзади видна печь, слева висит икона. Авдей уже сидит за столом, девки носят хлеб, щи. У стола стоит Странник.

Авдей (*страннику*). Садись, садись, раз ужо...

Странник присаживается с краю.

Варвара (*сочувственно*). Што ни гово-

ри, хоть и близко, а дорога. Есть и захотелось.

Авдей (*насмешливо*). Ага, дорога. Не в дороге дело. Паны! Много не едят и другим дать не хотят.

Варвара. Ну впроголодь не сидят.

Авдей. Еще б им впроголодь сидеть! Коня дал, денег сколько, хату помогал — а другого коня до этой поры не нажил — зато в новых сапогах ходит. Шляхта! Ты с ней говорила?

Варвара. Говорила. Вроде довольная. Плакаться нечего.

Авдей. Еще б ей плакаться! Силой не выдавал. Говорил наперед: не заставляю, погляди сама, теперь век такой, сами женятся; тебе жить, а лучше с мужиком своим хутором, чем с панами: не уладишь. Да и хозяин он — больше языком.

Варвара. От, бабе одно счастье, каб около кого миром прижиться, а там ужо... Дите вот только слабенькое. Не кричит — пищит. Знать, не выживет.

Авдей. Не беда. Народит, это дело нехитрое. Девка справная.

На стол уже собрано, все посматривают на Авдея.

(*Берет ложку.*) Ну, в гостях хорошо, а лишний раз пообедать не помещает.

Старик отец (*строго*). Бога забываешь! Не к добру за хлеб без молитвы браться.

(*Молится.*) Отче наш, иже еси на небесах, да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя, яко на небеси и на земле. Хлеб наш насущный дай нам днесь, и остави нам долги наши, яко и мы оставляем должникам нашим: и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Аминь.

Все едят.

Авдей. Знаешь, матка, старший наш жаниться захотел. (*Поворачивается к Андрею.*) Небось не терпится, а?

Андрей. Я вам все как есть сказал. Как вы скажете, так и будет.

Авдей. А, матка?

Варвара. Хай сабе, оно, может, и рановато, дак же теперь все не так, как давней.

Авдей. Давней все толковей было. Батки выбирали. Ну дак расскажи матке, кого нагляддел.

Андрей. Я уже говорил вам.

Авдей. А ты не бойся, еще скажи. Все свои.

Андрей (*опустив голову*). Верку Зуйкову.

Авдей. Не близко выглядел. А хорошо выглядывал?

Андрей (*не поднимая головы*). Хорошо.

Авдей. Девку выглядеть надо уметь. Голова тут тоже не помешает. Я как задумал жениться, пойду пригляжусь, которая на сенокосе, ды с серпом не последняя. А то знал — хутор куплять будем. На хуторе — это не на вечеринках скакать.

Варвара. Зуйковы работающие. Хоть и ня досыта, а не голодают.

Авдей. Зуйка девки и разорили. Мужик он себе нечога, а восемь девок — не попляшешь. А вот тоже глядеть надо. Як приведет тебе десять девок в хату.

Андрей. Не приведет. Старшая их, што за Почепенком — двух сынов вон родила.

Авдей (*довольно*). Молодец — приглядается. (*Насмешливо.*) А пойдет за тебя?

Андрей выпрямляется, хочет ответить, но поняв, что отец шутит, опять опускает голову и смотрит исподлобья. Все смеются, особенно громко Авдей. Когда все смолкают, раздается смех пятилетней девочки. Все опять смеются.

Ха-ха-ха. Она-то пойдет. (*Довольно оглядывается кругом.*) Ну дак што, матка, может съездим, посмотрим?

Варвара. Как скажешь.

Авдей (*Андрею*). Ну дак вот, запряжешь после обеда Сивого. (*Поворачивается к жене.*) Несите там бульбу да сало, а то шляхетский обед — што тот ужин в постную пятницу.

Жена и дочки приносят чугуны с картошкой и тарелки с нарезанным салом, сковороды с яичницей.

Странник (*поднимается из-за стола*). Спасибочки. (*Лезет на печь.*)

Авдей. Оставайся, хватит и на тебя.

Странник (*залезает на печь*). Спасибочки. Не привык помногу есть. Жидкого похлебаю с хлебцем — на день и сыты.

Авдей. От, ты и до еды как до работы.

Странник. А оно и правда, не поробивши и не поешь.

Все продолжают обедать. На авансцену входит Мужик, за плечами у него полмешка зерна.

Мужик (*ставит мешок к ногам*). Здравствуйте вам в хату, Авдей!

Авдей. Чаго тебе?

Мужик. Должок за мной. Пересыпь, я со своим мешком приходил.

Авдей (*выходит из-за стола, идет к Мужику, становится над мешком, уперев руки в бока*). Ты полмешка брал.

Мужик. Полмешка и отдаю.

Авдей. Ты брал с уговором за полмешка вернуть мех.

Мужик. С моего, Авдей, тебе прибытку не будет. Не то время. Полмешка брал — пол и отдаю. (*Поворачивается и хочет уйти.*)

Авдей (*задерживает его*). Постой! Полмешка весной, когда ты брал, стоит што теперь по осени три! Ты што, за лето совесть пропил?!

Мужик. А это уже не твое дело, хто што пропил.

Авдей. А уговор?

Мужик. Дал половину, а хочешь целый? А ты знаешь, што теперь за это бывает? С чужога хочешь нажиться? Теперь не то время!

Авдей. Што? Я з чужога?! (*Хватает Мужика за грудки.*)

Стоящий между ними мешок падает, зерно высыпается. Семья Авдея продолжает обед, будто не видит и не слышит происходящего. Странник приподнимается на печи.

Мужик. Но-но-но! Не хватай! Будя! Нахваталась! С меня не наживешься!

Авдей. Да я тебя... (*Притягивает мужика к себе.*)

Мужик. Привыкли хватать, обдиралы, натерпелась як вы душите, соки тянете из мужика, теперь за бедноту, теперь вам костка поперек горла, кулачко, куркули, награбили, награбили! Теперь мужику воля, теперь мужик поверху! Кабвы подушились, зажрались, гадавье, на этих хуторах!

Авдей. Соки с тебя?! Хто? Я? Это ты мужик? Яки с тебя мужик, ты по весне с торбой ходишь на семена, нищий ты, а не мужик! Мужик тогда мужик, когда

он хозяин, когда не пропил, не прогулял, не отлежал бока! Мужик тогда, когда есть! Зажрались на хуторах — а и ты зажрыся! Землю ж по едоках разделили, всем поровну — чего ж ты не зажрался? Едоков много, работников мало, не на едоках свет держится, на работниках! Это я зажрался, когда рук от работы не чую! Ты б сейчас зажрался у меня в погребе да в кладовке — а где ты был, когда я пуп рвал, горб горбатил, кишки узлом завязывал, што б все это иметь? Теперь бы ты рад на нажитое, ты б объелся, опрогся, а я со своего мозоля зажрался, своим мозолем нагроб! Так, как ты гребешь, и втроем не нагребешь, а я один тягну, как вол, как конь, как дикий медведь, а ты мне — што я с чужого?! Ах ты гад, сам век с чужого живешь, век в долг, подохнешь, от тебя только долги останутся, у одного по весне берешь, у другого по осени. Сам на сам по весне — это по-божески. В местечке с тебя б три шкуры спустили, дык ты прибег ко мне за пять верст: Авдей Устинович, выручи! А сейчас по уговору отдавать не хочешь, сволочь, еще и зяпу раскрыл, задущу! (*Душит мужика, тот пытается вырваться.*)

Семья молча ест за столом.

Мужик (*задыхаясь*). Пусти, пусти, а-а-а, пусти...

Странник (*поднимается на печи*). Авдеюшка, Бог с тобой, уймись... За полмешка жита человека задушишь, человеческую душу за полмешка зернышек, ти ж стоят этия зернышки того...

Семья ест, не обращая внимания, не слыша и не видя происходящего.

Авдей (*чуть-чуть отпускает Мужика, поворачивается к Страннику, ему, через головы сидящих за столом*). Зернышки? Для меня этия зернышки — хлеб! Тебе хлеб — протянул руку — вот тебе и хлеб, а мне нелегко дается, потом землю полью, посажу, соберу, обмолочу, мельнику заплачу, и тогда только у меня в руке! Мне не просто так, мне хлеб тяжким трудом дается!

Странник. Не хлебом единым жив человек, опомнись, Авдеюшка. Без доброты не проживешь, как и без хлеба, не злоб-

ствуй, што нам в этой жизни надо, сколько нам надо...

Мужик (Авдею). Я што брал, то и отдал, другой теперь, когда вас всех, кулаков, ксплуататоров, душат, и этого б не отдал, а я, каб грех на душу не брать, принес, каб по совести...

Авдей. Это ты по совести?! Сволочь, забью! (Толкает Мужика, тот падает.)

Авдей хватает кнут, бьет Мужика. Сбоку

выскакивает собака, Авдей кричит: «Ату, ату!», гонится за Мужиком, тот убегает. Семья молча, ничего не замечая, ест за столом.

Странник (стоит на печи, подняв вверх обе руки). Господи! Сколько злобы у людей, сколько злости, ненависти, хуже зверей! Господи, а што человеку надо? Окрайчик хлеба, тепло, и каб не гнали. Господи!

Действие второе

Картина четвертая

Хата Зуйка. Стол, видна печь, иконы. Занавеска, которой отгораживают «спальню». Верка перешивает платье. Рядом с ней Танька. Чуть в стороне Веркина пятилетняя сестра перебирает фасоль.

Танька. Вышла от тебя, иду, а они с гармошкой сидят на бревнах около Фядосовых. Мишки нема. Дык Валька около Петьки так и увивается, а он пошел. — и хоть бы што. И она одна до хаты пошла. **Бесстыжая**.

Верка. А Петьку может обкрутить. Он тихий, вот поглядишь.

Танька. А во поглядишь — не!

Верка. В прошлом году Галька Сивцова крутилась около Федьки да замуж и выскочила.

Танька. Сравнила — Галька Сивцова. Там есть на што поглядеть. А то пигалица. Придумала, што она красавица, а у самой нос што сосулька. И бесстыжая.

Верка. Знаешь, я раньше тоже так думала — бесстыжая, бесстыжая. А теперь подумала — а кали б што памиж нами с Андреем... (Оглядывается на сестру, та внимательно слушает, заметив взгляд Верки, отворачивается. Тише.) Кали б што — ничего не побоялась бы сделать. Што б хто не сказал. Теперь поняла, чего они бесстыжие...

Танька. Послухай, Вер, вы когда вдвоем остаетесь, што Андрей делает?

Верка. Што? (Пожимает плечами.) Што и все хлопцы.

Танька. Не. Твой Андрей, наверно, не такой. А за мной опять вчера Гришка

привязался. И опять лезет. И опять под сподницу.

Верка. Тихо ты.

Верка и Танька оборачиваются к девочке, та не успевает отвести глаза.

(Сестре.) Иди погуляй!

Сестра. Мамка сказала перебраться...

Верка. Иди, иди, уши востришь! Успеешь! (Выпроваживает ее.) Што я тебе покажу. Показать?

Танька. Покажи.

Верка достает платок, набрасывает на плечи.

Ой! У Шмуйлы такие по пять рублей!

Верка. Сказать?

Танька. Скажи.

Верка. Андрей подарил.

Танька. Андрей?

Верка. Ага.

Танька. Дай поглядеть.

Верка снимает с плеч платок, передает Таньке.

(Примеряет, потом снимает, задумывается.) Вер, а Вер. А ты знаешь?

Верка. Што?

Танька. Про Зинку Василькову?

Верка. Неа.

Танька. Сказать?

Верка. Скажи.

Танька. Только... Каб никому... Зинка беременная!

Верка. Ой! Господи...

Танька (скороговоркой). От Мишки Борисика. Всё «мой Мишка, мой Миш-

ка» — вот тебе и Мишка! Ходила к бабке Сысихе, а Сысиха сказала: не, больше грешить не буду, грех на душу брать, мне умирать скоро... А сама потом тетке Марии рассказала. Батка еще не знает. Што будет! Гляди — каб никому! (Пауза.) А сначала платок такой показывала, как у тебя.

Верка. Платок?

Танька. Такой самый... (Пауза.) Как у тебя...

Верка. Ты што придумала? Дура ты!

Танька. Я ничога...

Верка. Хочешь скажу? Сеньни у сваты приедут.

Танька. Яй-богу? Андрей?

Верка (гордо). Андрей!

Танька (радостно). Ой, Верка! (Обнимает ее.) А ты откуда знаешь?

Верка. Знаю.

Танька. Сам сказал?

Верка. Сказал не сказал — знаю.

Танька. А ты матке сказала?

Верка. Сказала.

Танька. А батку?

Верка. Неа. Мамка, наверно, сказала. Говорил Андрей — отделит батка. Своим двором жить будем. Я б ни за кого не пошла, кроме его. Ни за кого. Я его во сне каждую ночь вижу.

Танька. Просто так и видишь?

Верка. Ага. Каб ты только знала...

Танька. Вер...

Верка. Што?

Танька. А тебе не страшно? Замуж?

Верка (смеется). Андрей говорил: «Если буду бить, хай мне руки отсохнут...»

Танька. Так и сказал?

Входит Зуйчиха, за ней шестилетняя дочь.

Зуйчиха. Сороки, языками, а в хате разор. А как правда люди придут?

Верка. Я сейчас!

Танька. Я пойду. Расскажешь после.

Зуйчиха, Верка и ее шестилетняя сестра начинают убирать, накрывают скатертью стол, выносят шелуху от фасоли. Верка выходит.

Дочь. Мам, а мама.

Зуйчиха. Што?

Дочь. А за кого б мне замуж пойти?

Зуйчиха. А што, много женихов?

Дочь (задумчиво). Витька — дак он недорека. Петька совсем малый еще. Сашка Семкин к Катке бегае гулять, мне таки не надо. А Савка...

Зуйчиха. А што Савка? За Савком без хлеба б не сидела, у них все справные.

Дочь. Не, мам. За Савку я не пойду... У его сопли с носа текут... Прямо на губу...

Зуйчиха. А ты пригледь. За мужиком кто приглядит. Коли Савка в батку удасться, за им каждый день булки есть будешь.

Дочь. Как на Пасху?

Зуйчиха. Как на Пасху.

Входит Верка, садится у стола.

Верка. Мам, а когда тебя сватали — боязно было?

Зуйчиха. Боязно. Только у то время всё по-другому. Я твоего батку до сватов и не видела. Нас в семье две девки было на выданье, дак как приехали, то и не знали, к которой.

Верка. Мам...

Зуйчиха. От ладно, узнаешь еще все. Батки нема — люди придут, стыдно. Понесли черти на это заседание. Почепенок этот хоть и зять, а розуму нема, и батку нашего тянет туда ж. Баламуты, сидели б тихонько по хатам... Да хто бабу послушает... Иди-ка девок покорми, а то придут люди, сядут, ды горелку пить, ды разговоры, так голодные и лягут...

Верка уходит за ширму и тут же возвращается.

Верка. Мамочка, едут! (Убегает.)

Зуйчиха. А, Господи! Батки-то нема! Ах, Господи!

Входят сваты — Авдей, Варвара, Андрей и две старшие дочери Авдея.

Авдей. Вечер добрый. Пришли незваные, прогоните, да мимомойдем, а пустите в хату, и вам горелки нальем.

Зуйчиха. Заходите, заходите, присаживайтесь. Мы гостям рады. Садитесь. Только хозяина нашего нема — во-во вернется, вызвали в сельсовет. В местечке, сейчас придет...

Авдей. По делах вызвали?

Все садятся.

Зуйчиха. Зять у нас... Старшую дочку брал. Вы ж знаете, Почепенок...

Авдей. Чаму ж не знать. Знаем. Хоть и живем далеко, а мы ж сами отсюда. Всех знаем. И Почепенка знаем. Зять не на удачу.

Зуйчиха. Яй-бо. Не на удачу. Да што делать. Восемь девок. Как посватал, так и отдали. Выбирать не приходится.

Авдей. Непутевы.

Зуйчиха. Все заседает. А в хозяйстве не прибавляется.

Авдей. Дак от заседаний и не прибавится, заседаниями хлеба не вырастишь и скотину не накормишь.

Зуйчиха. И батьку нашего сённи свел. В нейкую комиссию записал. И откуда они взялись на нашу голову, эти заседания. Вы ужо нас проститя — во-во должен прийти, посидите.

Авдей. Мы можем и посидеть. Нам не к спеху, у нас без заседаний, хозяйство в порядке, можно и в гости проехать. Поглядеть, может где девки хорошие есть. Правда, хлопец наш молодецкий, скорейший, давно ужо себе выглядел, вот бы и нам поглядеть.

Зуйчиха. Верка! Выйди к людям.

Верка сразу же выходит из-за ширмы.

Авдей (весело). Ишь ты, скорая, и упрасивать не надо.

Зуйчиха (укоризненно качая головой, оправдываясь). Девке такая доля — не терпится.

Авдей. Коли и на работе такая скорая, дак нам подойдет.

Зуйчиха. У нас все работающие. Эта любой скажет.

Авдей. Оно и нам гультая не надо, да и гультаю у нас не солодко придется. Кали сладим дело, то сына я на весну отделять думаю. Он у меня толковый, за ним не пропадет, да и нелегко это — на свой хлеб сести. Не каждый и потянет. Дело не шуточное, нам бы с хозяином поговорить.

Зуйчиха. От хозяина нашего и нема. Да кали ужо говорить, то што там. Мы люди простыя. Скрывать нечего — нам девка с рук — полёгка. А и жалко. Вырастили, и помощь большая. И Петрок не постоит — и гроши за ней дадим, и корову приведет. Тяжело девок выдавать,

а што ж делать, да наша хуже, чем у людей, не будет. А што до работы — дык мало хто и сравняется с нашими. Мы хоть и не богаты, а не лежебоки. Кабы миром до ладом, то и с нашего бока греха ни в чем не будет.

Авдей. От это ты, хозяйка, добра сказала. Не люблю я сватанья, пьяного разговора. Дело серьезное, серьезом и говорить надо. Такой разговор нам подходит. Мужик коня купить — и то розум надо, а это жонка, тут вдвое глядеть. Мы живем одноособно, от людей далеко. Кому скушней, а кому и слушней. Лучше поскучать, чем поголодать. Работай — и скуки не будет. По-моему так: хто вьет, у таго и вьется, хто робить, тот и имеет, а хто имеет, тот и живет. Вот такой разговор мне, хозяйюшка, по душе. Только б с хозяином...

Зуйчиха. От беда. С этими заседаниями... И говорила ж, не ходи. А, Господи, ти не он?

Входит Зуёк.

Зуёк (пряча глаза, недовольно). Добрый вечер.

Авдей (поднимаясь навстречу). Добрый вечер, Петрок. Приехали за товаром, а хозяина и нема.

Оба выходят на аванцену, за ними чинно, в ряд, сидят приехавшие в сваты, а по бокам стоят Верка и Зуйчиха.

Зуёк (отворачиваясь). Я товаров не держу, это в мястечке товары.

Авдей (доброжелательно). Ну, брат, у тебя в хате товару на полдеревни хватит. Мы тут, хоть и не по порядку, с хозяйкой твоей говорили. Девку сватать приехали. **Зуёк (делает удивленный вид).** Дочку? **Авдей (весело).** А что ты дивишься? Принимай сватов, сватов принимать легко, у них горелка с собой.

Зуёк. Дочка у меня еще молодая.

Авдей. А нам и надо молодая. Старая нам ни к чему.

Зуёк. Того, чаго вам надо, у меня нема. Так што извините, гостейки, а нам гостеваться нема чаго.

Авдей. Погоди, как это?

Зуёк. А так. И горелки мы пить не будем, и до другого раза откладывать не будем! Извиняйте!

Зуйчиха. Петрок, ты што? С глузду съехал? Ты ж сам говорил, каб за Авдеева сына...

Зуёк (жене). Цыц! *(Поворачивается к Авдею.)* Дочку замуж я не выдаю. И все дела.

Авдей растерянно смотрит на Зуйку, Андрей поднимается и делает полшага вперед, оглядывается на Верку, та порывается что-то сказать.

Авдей (грозно, обиженно). Ну тогда... Тогда уж вы нас извиняйте!

Верка. Татка, отдай за Андрея! *(Бросается к Зуйку, падает перед ним на колени.)*

Зуёк. Бесстыжая!

Зуйчиха. Петрок! А, Господи!

Зуёк. Цыц! *(Топает ногой.)* Марш отсюда!

Авдей и все его семейство уходят.

Верка (хочет кинуться следом). Андрей!!! А-а-а...

Зуёк. Стыдоба! *(Хватает дочку за руку, толкает ее, та падает.)*

Зуйчиха (поднимает ее). Петрок!

Зуёк. Кинуться готова!

Верка. Што вы наделали! А-а-а! Пустите! *(Плачет.)*

Зуйчиха (удерживает ее). Што ты...

Верка (истерично вырывается). Пустите меня! Сама пойду!

Зуёк. Цыц, бабы, дуры! Ишь распустила! Я вам!

Зуйчиха. Ты ж сам говорил!

Зуёк. То было, ды прошло! От Авдея теперь подальше!

Выходят несколько дочерей, забирают у матери Верку, ведут за занавеску. Верка рыдает, ослабевшим голосом кричит: «Пустите меня! Пустите!»

Зуйчиха (мужу). Што люди скажут? Авдею отказал, с ума сошел!

Зуёк. Не до людей, свое дороже!

Из-за ширмы с новой силой раздаются плач и крики Верки и тут же смолкают.

Зуйчиха. Дык что ж?..

Зуёк. Только стемнеет, возьмешь корову — Лысуху, поведешь низком — к утру каб в Мстиславле, продать за любые гроши. И каб никто не знал. А я возьму другого коня, поведу в Чаусы, может, успею продать, может, там еще не знают... И каб про это больше ни слова, поняла?!

Из-за занавески снова раздаются плач и крики Верки и тут же смолкают.

Молчи, баба, дура, молчи! (Грозит ей кулаком.)

Верка (за занавеской, плачет, кричит). А, Господи, што вы наделали, пустите меня, утоплюсь, утоплюсь я, Господи, чем я виновата, што яны со мной делают, Господи, люди, утоплюсь, утоплюсь, Господи!

Картина пятая

Хата Авдея. Вся семья за столом, испуганные, недовольные. Андрей отдельно на табуретке. Странник сидит на печи. Входит Авдей.

Авдей (громко, зло, с вызовом). Посватались! Вот и посватались!

Странник прикладывает ладонь к уху, вся семья с надеждой смотрит на Авдея.

(Продолжает тем же тоном.) Это он Авдею отказал! Он мне по пуп *(показывает рукой)* и он мне отказал! Восемь девок, с хлеба на квас перебивается и мне от-

казал! Ах ты... *(Поворачивается к своим.)* Обойдемся. Мы-то не пропадем! Мы проживем! Ничога! Наше все цело, горевать нема чего, у нас не пропало! Поглядим, как он своих всех выдаст, кого он лучшего найдет! Мы-то себе девку найдем, такого счастья хватает, только бери! А он... Поглядим! Авдею отказать! Так из хаты выгнать, будто нищеврода какого! Я это запомню! Это тебе так даром не пройдет! Внуки помнить будут!

Странник. Эх, Авдеюшка, злом не проживешь. Послухай...

Авдей (перебивает). Замолкни, а то выгоню к черту на двор, сидишь на чужой

печи и еще вякаешь! (Своим.) Ложитесь все спать, нечего сидеть!

Все расходятся, остаются только Авдей и Андрей. Странник на печи накрывается полушубком.

Андрей. Она хотела идти за меня. Она хотела!

Авдей. Сам видел, што хотела. Батька всё!

Андрей. И батька был не против меня!

Авдей. Не против?

Андрей. Я с ним говорил неделю назад!

Авдей. Говорил с Зуйком? Сам? Без меня?!

Андрей. Я так... Вам я давно сказал, кали б вы што против, я б ничего и ни говорил. Я отаву возил, а он из леса шел. Я ему и говорю: хорошие у вас девки, дядька Петрок, хоть на базар вывози. А он: таки товар не ходки, не стоит и везти. А я: а как бы нашелся покупатель и на такой товар? А он говорит: такому покупателю я б еще приплатил, а такому толковому хлопцу, как ты, и неплохо б приплатил, не гляди, што небогата живу, а девок своих выдам по-людску, так што покупатель тот в обиде не будет — значит не против он был! Не против!

Авдей. Ты ж чул своими ушами!

Андрей. Не может этого быть! Может, перебил кто?

Авдей. Дак што ж делать?

Андрей. Верка пойдет за меня!

Авдей. Как это пойдет, когда батька не пускает?

Андрей. Скажу — и пойдет! Проживем без его приданого.

Авдей. Приданое там не богатое, сам знаешь. За девкой приданое — руки да розум, каб не только в волосах, каб хозяйка... Хотя когда есть што узять, в хозяйстве ничога не лишнее. Да как без батьки? Нельзя. Не положено.

Андрей. Она ни за кого другого не пойдет!

Авдей. Девку хто возьмет, за того и пойдет...

Стук в дверь. Входит заплаканная Верка.

Андрей. Верка!

Верка. Андрей!

Они кидаются навстречу друг другу, но останавливаются, оглядываясь на Авдея.

Авдей. Э-э, ты што это, девка?

Верка. Дядечка Авдей — не прогоните! Утоплюсь!

Входит Варвара.

Авдей. Вот те и раз!

Верка. Не прогоните! Домой не вернусь! Утоплюсь! (Бросается Авдею в ноги, плачет.)

Варвара пытается поднять ее.

Авдей. Без батьки... Это не положено...

Андрей помогает матери, вдвоем они поднимают Верку.

Верка (плачет навзрыд). Дядечка Авдей! Утоплюсь! Не жить! Не вернусь! (Прижимается к плечу Андрея.)

Андрей обнимает ее.

Авдей. Но-но-но! Ишь вы, скорыя! Потом беды не оберешься! Варвара, положи с девками ее. Завтра поглядим. С батьком все равно надо говорить!

Варвара уводит Верку.

(Грозно.) Ты што, можа успел девке пузо прицепить?!

Андрей. Што ты!

Авдей. Бач — прибегла! Правду говори!

Андрей. Дали Бог, не!

Авдей. Гляди мне! Во время! Ни Бога, ни батьки не глядят. Во порядок! Может, Зуёк што заподозрил да и разозлился?

Андрей. Кабы такое заподозрил, то с хаты б не гнал.

Авдей. И то правда. Сам бы следом вился.

Андрей. Не хочет он, а мы поженимся, нам жить, не ему.

Авдей. Бач, быстрый! От батьки отмахнулся!

Варвара выходит из-за занавески.

Варвара. Девка хорошая, уважительная.

Авдей. И ты ужо — баба за бабу. Не шуточное ета дела! Хорошая девка без батькиного разрешения не побегит за хлопцем.

Варвара. И матка яе не против.

Авдей. Матка у хате не хозяин. Не так

это просто. Поглядим завтра — нехта ж придет следом за ней.

Открывается дверь, входит Сват, держа в руках обрез.

Сват. Добрый вечер, сваты. Иду — гляжу, ворота не закрыты, в хате свет, дай, думаю, зайду.

Авдей. Проходи, сват. (Андрею.) Иди позакрывай, а то кинули всё. (Свату.) Садись за стол, сват. Варвара!

Андрей выходит, Варвара ставит на стол тарелку с салом, бутылку водки. Сват и Авдей садятся за стол. В стороне на коленях стоит Старик — отец Авдея.

Старик (молится на ночь). Господи, Боже праведный, всесильный и всевидящий, прости мне грехи, иже сотворил по неразумению в сей ушедший день и словом и делом и помышлением, и очисти душу мою от всякой скверны, и дай мне, Господи, в ночи сей сон перейти в мире, яко семя твое и во мне есть, чтобы восстать завтра от ложа, как и во все дни живота моего, и не предай меня крамоле змеиной и желанию сатаны и врагов моих, плотских и неплотских, даруй мирен сон и безмятежее, яко и всем тобою сотворенным... Господи, к тебе прибегаю во имя спасения, тебе все упования мои... Спаси и помилуй старцы и юные, нищие и сироты, и вдовицы, и сущие в болезни и в печали, и в обидах скорбящие, и в темницы заключенные, и в гонениях пребывающие... (Продолжает молиться, но слов уже не слышно.)

Авдей. Што это ты вооружился?

Сват. А, ходил к нашим. Забрал у сына. Молодой, мало што с дуру... Случай яки...

Авдей. Яки случай?

Сват. Теперь каждый день случай. А ты што, ничога не знаешь?

Авдей. А што мне знать?

Сват. Заседания...

Авдей. От заседаний хлеб не родит. Меня заседания не интересуют. Кому надо, хай заседают.

Сват. Хлеб-то не родит... Только заседания про кулаков...

Авдей. Мне и до этого дела нема.

Сват. Им зато есть дело...

Авдей. До кого?

Сват. До всех, у кого хозяйство справное. Я поэтому обрез у сына и забрал. Сунутся — кто их знает... А за оружие не отмолишься потом, и в колхозе не спасешься. В Сибирь... Лучше обрез в речку укинуть — далее от беды. (Пауза.) А ты б разузнал...

Авдей. Што разузнал?

Сват. Про заседания... Там у них списки... Кого...

Авдей. Мне до этого дела нема.

Сват. Оно так... Только говорят... Слухи разные...

Авдей. Якия слухи?

Сват. Говорят... Кто их знает, ти правда...

Авдей. Што ты тянешь, говори!

Сват. Будто ты в этих списках...

Авдей. Я?!

Сват. Ягор Вуевский у них в комитете. Пьяный говорил... Будто и ты... Могут раскулачить...

Авдей. Как это «раскулачить»?

Сват. Известно как... Придут, коня заберут...

Авдей. Как это заберут? Моего коня? Я ж не отдам!

Сват. Они спрашивать не будут... У кого больше одного коня — заберут. И коров заберут.

Авдей. Моих коров?

Сват. И землю заберут.

Авдей. Землю? Дык кто ж это им даст забрать?

Сват. Кто против — сошлют. В Сибирь.

Авдей. За што?

Сват. За то, што против.

Авдей. Дак как же я не против, кали придут грабить?!

Сват. Это не грабить. Это приприация.

Авдей. Как хочешь назови, я нажил. Они отберут? За што?

Сват. Потому што ты не беднота. У бедноты комитет.

Авдей. Мне дела нема ни до каких комитетов. Я свойго не дам!

Сват. Заберут. Одно спасение — отдай сам. Вступи в колхоз, отдай коней, коров, землю, тогда не тронут. Я к сыну за этим и ходил. Каб записался, это одно спасение.

Авдей. Я в колхоз не запишусь! Я сам себе хозяин!

Сват. Тогда раскулачат. Хуже будет. Люди рассказывали...

Авдей (*перебивает*). Ты этот обрез куда несешь?

Сват. Выкинуть надо в речку. Каб далей от греха.

Авдей. Продай мне!

Сват. На што он тебе?

Авдей. Продай!

Сват. Дак я выкидать хотел, бери так.

Авдей. Мне за так ничего не надо. Продай.

Сват. Дак я што, купляй.

Авдей (*поднимается, достает из-за иконы деньги, отдает Свату*). Прошлой весной Кривой Яким у Ивана куплял за пять рублей.

Сват. Э, нет. Я видел тот обрез. Со старой трохлинейки. А мой из карабина, семизарядный, сразу обойма, семь патронов.

Авдей. Сколько ты хочешь?

Сват. Дак яно... Он в два раза лучше — семизарядный... Восемь рублей.

Авдей (*дает еще деньги, забирает обрез*). А патроны?

Сват. Он заряжен — там семь патронов. А остальные я высыпал. От, этого добра... У меня дома, придешь заберешь... Только обрезом не поможешь... Лучше повинися...

Авдей. Повиниться?.. В чем я виноватый?

Сват. Рассказывали... Будто когда список писали... Тебя первого и вписали... А сённи будто список утвердили на заседании... Ты баб жать нанимал? Раньше?

Авдей. Нанимал.

Сват. Вот. За это и вписали в список.

Авдей. Дак тогда ж никто не запрещал.

А кто знал, што потом запретят?

Сват. Никто не знал. А вышла ксплуатация. А я не нанимал...

Авдей. Потому что ты жаднейший, а я лучше заплачу, абы быстрее убраться.

И бабы ж просят, им то заработок.

Сват. Это-то так. А я не нанимал. Не. Я не наймал! А ты нанимал! Вот ты и у этом списке! Кто знал, а во как вышло.

Ты соседу своему, Мишке, пшаницу отдалживал, полмешка?

Авдей. Отдолжал.

Сват. А назад требовал мешок?

Авдей. Дак полмешка по весне стоит што мешок по осени. Уговор был!

Сват. Это-то так. А теперь это спекуляция. Ты и побил его, а он — беднота.

А я никого не бил, не нанимал — а боюсь! Коней продал, корову одну оставил, у колхоз запишусь, это лучше, чем в Сибирь. А ты подумай, Авдей!

Авдей. Так вот чего Эленька долг забрал! Так вот чего они мне молотилку за полцены...

Сват. Ты молотилку купил? Што ты, с луны свалился? За молотилку или за мельницу — сразу! Я...

Авдей. Да мое не дело, как ты, как кто. Я от своего не откажусь! Я своего не отдам!

Слышен стук в ворота.

Сват (*испуганно*). Кто это?

Авдей. Наверно, Зуёк. Девки хватился.

Сват. Какой девки?

Авдей. Сватал сённи у него дочку, а он против. А девка увечары сама прибегла.

Сват (*заинтересованно*). Брюхатая?

Авдей. Кажись, не.

Сват. У Зуйка зять у комитете. Вот ты яго и спроси.

Авдей. Так он знал... Вот чаго он дочку отдавать побоялся...

Сват (*испуганно*). Так один не стучит.

Авдей. Пойдем.

Оба выходят.

Картина шестая

Во дворе, слева, видно крыльцо хаты. Справа, в дальнем углу сцены, — высокие дубовые ворота. Авдей и Сват сходят с крыльца. Стук в ворота повторяется. Авдей. Што надо?

Голос из-за ворот. Открывай! Решением комбеда!..

Сват. Это они... Куда мне деться? (Мечется по двору.)

Авдей. Што ты...

С в а т. Сват, куда мне, я ж не в списках, сват, куда?

А в д е й. Стихни!

С в а т. Сваток, не противься, сваток, отдай сам, хуже будет!

А в д е й (хрипло). Я своего не отдам!

Долгий громкий стук в ворота. Ворота трясутся, стук становится сильнее, на минуту заполняет всю сцену. Авдей и Сват смотрят в сторону ворот. Когда стук затихает, они поворачиваются друг к другу и продолжают разговор, как будто ничего и не было. Авдей наступает на Свата, хватая его за грудки, Сват вырывается.

С в а т. Отдай! Ты один, их много, у них комитет, приприация. Они решили, список написали...

А в д е й. А што мне их комитет — они собрались, сели за стол, бумагу написали, приприацией назвали, дак можна у человека отобрать все, што он нажил горбом, мозолем?! Они што, Бог, каб решать, жить мне ти не?

С в а т. Бог теперь отменен. Отдай все сам, Авдей, коней отдай, коров отдай — жизнь даражей!

А в д е й. Холуй ты! Эта ты отдай! Нашто я всю жизнь жилы рвал — каб теперь отдать?! Каб стать нищим?! А они прогуляют моих коней, моих коров, мою землю?! Не отдам! Как это коней отдать? Кони мае! Мне моя первая кобыла, с которой хутор поднимал, дорожей за детей была! Я ее до старости держал, не продавал, сколько она мне коней привела! Я ее за сараем в ельнике похоронил и шкуру снимать не стал, только што гроб не делал и креста не поставил! Я плакал, когда она померла! Мы с ней пот разом лили, лес таскали — упряжь рвалась, я каждого коня помню, як ступал, як ел. Мне каждый конь што брат родной, и я должен отдать своих трех коней? Кому? Им? Они не нажили себе коней, как я, ды и пришли отобрать моих? А я отдай? Зуйковому зятю? Он жа хомута коню подобрать не может. Он жа пропил, прогулял все, што ему Зуёк за старшей дочкой дал. Его золотыми пятерками обсыпь, он через год в лахманах сидеть будет! Ему моих коней! Не отдам!

Долгий стук в ворота.

Отдать моих коров?! Я Эленьке за одну двух давал, я десять годов разводил молочных коров — а теперь отдай! Когда Чернуха заболела — в уезд за дохтуром ездил, двадцать пять рублей платил — а на тяжелый год пришлось — месяц без хлеба дети сидели, двадцать пять рублей — корову за их можно было купить, последние гроши платил — а им теперь моих коров?! Не отдам!

С в а т. Хочешь жить — все отдай. И землю отдай.

А в д е й. Нашто мне такая жизнь — без коня, без коровы, без земли! Кони, коровы, земля — мои, они моя жизнь, все, чем живу, — все в земле...

С в а т. Теперь земля не своя. Даденая. По едокам. Отдай.

Долгий стук в ворота.

А в д е й. Моя земля — моя! Мне никто ни прирезал, я ее еще за тем временем на свои гроши купил! Это тебе по едокам добавили. Не по едокам земля — по работникам! Едоки землю проедят и с сумой пойдут, им горя мало. По едокам свет стоять не будет! Не на едоках свет держится, на работниках! Землю я не отдам!!! Матка гроши собирала всю жизнь, батька все за Богам ды за порядком, а она — копейка в копеечку! Пешком в Мстиславль, сорок километров туда, сорок назад. Как только свободный день, а свободный день только зимой, а холод и ветер насквозь, накупляет мелкого товара — лент да иголок на свои копейки, несет по деревням продавать, ноги отнялись от холода к старости, а копейку к копеечке! А когда прикинули разом этот хутор куплять — дак и половины нема! А как хотелось иметь свое! Каб сам хозяин! Свое!!! Поехал на шахты, посадят в клетку и под землю, ни дыхнуть, бьешь киркой, кругом вода, рядом то одного насмерть придушит, то другого покалечит, покуль вниз — три раза молитву прочитаешь, вытягнут — опять молишься, што жив, и так два года, гроши будто и большие, а проешь, все ж не свое, купи, за все заплати... А вернулся домой — земля подорожала! Вот те и на! А так хотелось своего!

Долгий стук в ворота.

Одолжил в местечке, сколько потом хлеба перевозил, скотины отдал. Все соки вытягнули, а помощников не было, один, со стариком — а тут война, забрали, Бог-то ранение послал, опять упрегся, а налоги отдай, опять долги пошли, ночами не спал, потом обливался, луна вместо солнца — а посилил, вытягнул на себе этот хутор, эту землю, в ней моя кровь, мое жилы!

Долгий стук в ворота.

А как обжился, как сыны выросли, как теперь у меня есть, как я теперь хозяин — дак пришли отобрать! Они сидели абы не работать, впроголодь, и теперь сидят — дак им моих коней, моих коров, мою землю?!

С в а т. Дак все равно ж отберут! Заберут, тебя не спросят, што ты один против них сделаешь! Заберут и все, заберут! А в д е й. Заберут?! Ах ты гад! (*Хватает Свата так, что тот не может вырваться.*) Отобрать у мужика землю — што ж тогда будет? Не, этого не может быть! Мужик за землю пот и кровь проливал, не может этого быть! Это ж свет перевернется!!! Ни Бог, ни власть такого не допустят! Не! Похоронил, шкуру не снимал, только креста не поставил! Моих коней — ха-ха-ха! Похоронил — убью, убью, не дамся! Меня — Авдея! Ха-ха-ха! Не отдам! Зубами загрызу — не отдам!

С в а т. Ты што, сват, при чем я, опомнися, задушишь, сват! (*Вырывается, в руках у Авдея остается кусок рубахи Свата.*) А в д е й (*смотрит на кусок ткани*). Матка — ситца, платочек, ноги, ноги отнялися — похоронил, только креста не поставил — ни Богу, ни себе, не, не, не... (*Испуганно грозит Свату пальцем, Сват отступает, упирается спиной в забор у угла дома.*) Не может быть, ни Бог, ни власть не допустят такой гибели... (*Падает перед Сватом на колени.*) Гибели... С в а т. Дурак ты, сват, да руки под тебя не подложишь. (*Перелезает через забор.*)

Снова долгий стук в ворота.

А в д е й (*поднимается, поворачивается к воротам; тихо, потом все громче, до крика*). Не.. Не может такого быть... Ни Бог, ни власть... Не поверю, не поверю! Не дамся! Кто як — а я не дамся! (*Стреляет семь раз подряд в ворота.*)

На крыльцо выходит Варвара с коптилкой, поднимает коптилку над головой следом выходит вся семья — от детей до стариков, — выстраиваясь около нее по росту.

Ворота падают под ударами прикладов. Авдей стоит словно опьянев. Входят несколько человек с винтовками и несколько без оружия. Авдею заламывают руки, отнимают обрез.

Выскакивает Андрей, хватает вилы, но его припирают штыками к стене дома. Один из пришедших, в кожанке, с кобурой на поясе, молча, заложив за спину руки, наблюдает за происходящим. Это Уполномоченный из уезда. Среди пришедших Мужик, Сёмка, помогавший продавать молотилку.

М у ж и к. Ай да Авдей Устинович, голова, говоришь, грош цена, копейка? Ай да Авдей Устинович! Хе-хе-хе.

Авдей делает несколько шагов вперед, сзади его держат двое, они высоко поднимают ему руки. Авдей наклоняется вперед и кричит, воеет нечеловеческим голосом.

С крыльца сходит Странник, идет через всю сцену, мимо Авдея, Андрея, красноармейцев.

С т р а н н и к. Господи! Што людям надо! Окрайчик хлеба, и каб тепло, и каб не гнали. Господи, што людям надо! (*Уходит через разбитые ворота, останавливается на секунду.*) Ох, с чужого не разживешься! Ох, не до добра, чужим не насытишься...

Г о л о с р е б е н к а (*сквозь плач*). Мамка, чего папка так стоит, мамка, я боюсь! *Вперед выходит Уполномоченный и останавливается, держа руки за спиной.*

У п о л н о м о ч е н н ы й. Вот что такое, товарищи, старорежимные пережитки, обновленные нэпманскими тенденциями! Они превратили крестьянина в частника, одноособника, в тупое животное, которое только и умеет, что грести под себя, не видя ничего вокруг, не понимая текущего момента! Кулаки наживаются на эксплуатации трудового крестьянина, они являются теми темными силами, которые мечтают о возобновлении в нашей стране эксплуататорского строя, власти

помещиков, царей, попов и капиталистов! На это мы, товарищи, не пойдем! Дана установка ликвидировать кулачество как класс путем полной коллективизации. Впереди у нас огромная и ответственная работа, и те, кто станут нам поперек, будут отброшены с дороги! Здесь, на свободной земле, будет трудиться свободное трудовое крестьянство, объединенное в сельхозартели. И первую артель в вашей волости мы так и назовем: «Дорога в светлое будущее!»

Уполномоченный стоит впереди всех, рядом с Авдеем. Авдей воет, нагнув голову. Его вой подхватывает ветер, свет посте-

пенно гаснет. Слышен голос ребенка: «Мамка, я боюсь». Свист ветра усиливается, слышно карканье ворон. Сцена постепенно освещается под отдаленный голос, поющий колыбельную:

Народился ты, дитяtko,
в мужицкой хате.
Тебе век косить да сеять,
земельку орати, потом поливати...

На сцене поросшее бурьяном подворье, голые деревья... Свист ветра переходит в рокот трактора, виден след гусениц, прорезавших двор.

Занавес

ИНФОРМАЦИЯ

ЧИТАТЕЛЮ НА ЗАМЕТКУ

Издательство «Наука» уже познакомило читателей журнала «Современная драматургия» с отдельными книгами, подготовленными к выпуску в первой половине 1990 года. Не менее интересные издания можно ожидать и во второй половине года. Некоторые из них мы и представляем вниманию читателей.

«Чеховiana: Статьи, публикации, эссе» — так называется новый сборник, подготовленный Чеховской комиссией при Научном совете по истории мировой культуры АН СССР к 130-летию со дня рождения А. П. Чехова. В издание включены самые разнообразные материалы — заметки, сообщения, статьи, — освещающие общие проблемы творчества

писателя, его значение в культуре XX века и представляющие самые разные сферы советского чеховедения. Наряду с теоретическими материалами и исследованиями книга познакомит читателей с размышлениями актеров и режиссеров о своей работе над произведениями А. П. Чехова, о своем понимании его творческого наследия.

В пятой книге 92-го тома Литературного наследия «Александр Блок: Новые материалы и исследования» большой интерес представит раздел «Блок и театр», где читатели смогут познакомиться с ранее не известной статьей Н. С. Гумилева «Театр Александра Блока», материалами по истории постановки драмы «Роза и

крест», перепиской А. Блока с участниками постановки. Помещены здесь и новые документы о деятельности поэта в Театральном отделе Наркомпроса. В разделе «Из новых разысканий» публикуются неизвестные автографы А. Блока. Завершается том «Аннотированной библиографией прижизненной литературы о Блоке» и указателями имен и иллюстраций ко всем пяти книгам данного тома. Книга будет интересна не только литературоведам и историкам, но и самому широкому кругу читателей, почитающих творчество А. Блока.

(Продолжение см. на с. 87)